УДК 327

Максим Саморуков
Московский центр Карнеги, Москва, Россия,
e-mail: msamorukov@carnegie.ru

Не место для жестов. Как вернуть смысл в исторический диалог России и Польши

Аннотация. В данной статье автор исследует причины принципиального скептицизма во внешней политике Польши по отношению к России и предлагает свое видение того, как можно преодолеть пропасть в отношениях между странами. Корень современных разногласий между Россией и Польшей лежит в событиях Второй Мировой войны, как и, например, у польско-немецких и отчасти франко-немецких противоречий, однако автор подчеркивает, что использовать успешное общенациональное примирение между Германией и Польшей, Францией или Германией как пример бессмысленно — примирение между этими странами произошло благодаря тому, что было подкреплено масштабными экономическими и политическими процессами. Любые символические жесты польского и российского руководств либо не имеют эффекта вообще, либо их эффект легко обратим, поскольку объективной политической или экономической базы для нормализации отношений нет. Препятствия, более того, есть и на уровне национального самосознания —для польского самосознания характерно представление о своей стране как о «жертве», неизменно в одиночку выступающей против сильных противников (в том числе и против СССР). В то же время для российского общества победа в Великой Отечественной войне до сих пор является почти сакральным достижением, которое не подлежит сомнению. Таким образом, каждая из стран уверена в собственном моральном превосходстве и на уровне национальной идеи не готова обсуждать проблемные вопросы совместной истории. Заключая свой анализ отношений между Россией и Польшей, автор отмечает и то, что между странами нет не только

© **Саморуков М.М.** — зам. главного редактора Carnegie.ru
Samorukov M. — Deputy Chief-editor Carnegie.ru.
Текст первоначально был опубликован на сайте Московского центра Карнеги: https://carnegiemoscow.org/commentary/85115

каких-то сближающих процессов — нет также стремления со стороны политического руководства стран инвестировать политический капитал в преодоление разногласий. Автор, однако, считает возможным даже в условиях настолько ограниченных ресурсов предпринимать меры по нормализации отношений — однако это должны быть не масштабные символические жесты, а адресный диалог с целью добиться конструктива в отдельных узких сферах, где взаимодействие возможно и нужно обеим сторонам.

Ключевые слова: Польша, Россия, Советский Союз, Германия, Европейский Союз, Вторая Мировая война, пакт Молотова-Риббентропа, Варшавское восстание 1944 года, историческая память, национальное примирение, культ Победы

Очевидно, что польский и российский подходы к общей истории, особенно Второй мировой войны, не совместимы. Попытки добиться общенационального примирения, пускай самые искренние, ничего не дадут — наоборот, неизбежные провалы таких начинаний только добавят взаимной неприязни с обеих сторон. Но это не значит, что две страны обречены на вечное взаимное отчуждение.

Всякий раз, когда России доводится обсуждать какие-то вопросы с объединенной Европой или коллективным Западом, находятся страны, чью позицию можно точно предсказать заранее — еще до начала каких-либо обсуждений. Италия или, скажем, Кипр почти наверняка поддержат сотрудничество с Москвой, а вот Польша и страны Прибалтики выступят резко против.

Предмет обсуждения тут не играет особой роли. Будь то энергетика, европейская безопасность или страны общего российско-еэсовского соседства — смена темы никак не скажется на скептическом отношении Польши и Прибалтики к любому взаимодействию с Россией.

Подтверждения тому возникают регулярно — из недавних и ярких можно вспомнить появившуюся в июне 2021 года после встречи президентов России и США в Женеве идею пригласить российского президента на саммит лидеров Евросоюза. Несмотря на то, что инициаторами тут выступили Германия и Франция — две самые влиятельные страны ЕС, — инициатива все равно провалилась не в последнюю очередь из-за жесткого отказа Польши и Прибалтийских республик участвовать в таком саммите.

Понятно, что подобной непреклонностью поляков и прибалтов часто пользуются другие страны — зачем самим подставляться под российское

раздражение, когда отказ можно списать на польское и прибалтийское вето. И тем не менее не стоит недооценивать то влияние, которое эти страны оказывают на формирование общеевропейской и даже общезападной позиции по России — особенно если речь идет о Польше.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА ЕВРОПЕЙСКОГО ВОСТОКА

Самая крупная страна среди новых участников ЕС и НАТО, важный и проблемный партнер Германии, влиятельная сила с особыми интересами в западной части постсоветского пространства — все это делает мнение Варшавы важным не только для тех западных политиков, кто исповедует ценностный и морализаторский подход к международным отношениям. Можно вспомнить, что доля Польши во внешней торговле Германии втрое превышает российскую (Germany Exports…), поэтому Берлин — из чисто прагматических соображений — часто может ценить хорошие отношения с ближним восточным соседом выше, чем с дальним.

Не нужно быть большим специалистом по геополитике, чтобы понимать, что корни польского скепсиса по отношению к России уходят куда глубже, чем украинские события 2014 года, скандалы с вмешательством в американские выборы 2016-го или покушение на Навального в 2020 году. Поэтому даже если Москве каким-то чудом удастся разрешить текущие противоречия с Западом, это все равно не принесет в российско-польские отношения не то что тепла, но даже взаимопонимания.

Разобраться с недоверием и неприязнью между Россией и Польшей невозможно вне исторического контекста и особенно без разговора о событиях Второй мировой войны, а также накануне и после нее, которые стали определяющими для формирования современного национального самосознания обоих народов.

Правда, начинать такой разговор надо без иллюзий, что нескольких символических уступок, извинений и красивых жестов будет достаточно, чтобы преодолеть глубокое недоверие другой стороны. Наоборот, имеет смысл изначально исходить из того, что исторические противоречия и застарелые обиды между двумя странами и народами слишком глубоки, чтобы можно было надеяться на их примирение в обозримом будущем — через год, через пять или даже после смены поколений, сегодня находящихся у власти.

Мало того, и Польша для России, и Россия для Польши сейчас очень далеки от того, чтобы быть приоритетами во внешней политике друг друга. Это значит, что ни одна из сторон не станет инвестировать в диалог значительные финансовые и человеческие ресурсы. Тем важнее понять, где и как две соседние страны могли бы достичь чего-то действительно полезного, несмотря на очень ограниченные возможности.

РЕШАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

За три десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, Польша и Россия накопили огромный, хоть и не особенно позитивный опыт диалога на исторические темы. По этому опыту хорошо видно, что крупной помехой для нормализации отношений между двумя странами были не только исторические обиды, но и ложная вера, что эти обиды можно легко преодолеть.

Упрощенные и приукрашенные представления об успехах немецко-французского и польско-немецкого исторического диалога заставляли стороны добиваться не меньше чем полномасштабного общенационального примирения двух народов. А потом, когда эта погоня за миражами предсказуемо заканчивалась ничем, обижаться, раздражаться и бросать всякую работу по теме как бессмысленную.

Сосредотачиваясь исключительно на символической стороне процессов примирения между другими европейскими нациями, Польша и Россия предпочитали не обращать внимания на сопутствующие — геополитические и экономические — обстоятельства, которые сделали эти примирения возможными, а символические жесты — эффективными.

Каноническое взаимное прощение обид между немцами и французами после Второй мировой войны вряд ли было бы таким успешным, если бы оно не происходило одновременно с западноевропейской экономической интеграцией, общими усилиями по борьбе с коммунистической угрозой и укреплением доминирования США в Западной Европе. То же самое касается и немецко-польского примирения, чьи успехи часто приукрашиваются и никак не тянут на общенациональные. Даже те ограниченные результаты, которых удалось достичь, вряд были бы возможны без объединения Германии с его необходимостью смягчить польские опасения, а также последовавшего за ним расширения НАТО и ЕС на восток.

Большей части из этих важнейших обстоятельств, благоприятствующих историческому диалогу, в отношениях Польши и России никогда не было и, скорее всего, не будет. А значит, символические жесты вроде открытых писем (Статья Владимира Путина…), покаянных извинений и падений на колени могут быть сколь угодно благонамеренными, но — сделанные в экономическом и геополитическом вакууме — они не окажут существенного воздействия на отношения двух стран.

А если и окажут, то непродолжительное и легко обратимое вспять, когда, казалось бы, уже закрытые с обеих сторон исторические вопросы снова открываются и начинают опять генерировать взаимное раздражение. За последние 30 лет польско-российская дискуссия об общей истории усыпана подтверждениями этой закономерности: от вроде бы закрытой, но регулярно всплывающей снова Катыни до открытых писем по случаю

80-летия нападения Германии на СССР, которыми заочно обменялись в немецкой прессе президент Владимир Путин и бывший глава польского МИДа Радослав Сикорский.

В 2009–2011 годах они — вместе с тогдашним польским премьером Дональдом Туском — выступили соавторами на редкость смелой и далекоидущей попытки примирения Польши и России. Тогда Путин обратился к полякам с открытым письмом, где осудил пакт Молотова — Риббентропа, а затем вместе с Туском принял участие в траурной церемонии в память о массовом убийстве поляков в Катыни. Патриарх Кирилл совершил исторический визит в Польшу. Историки двух стран написали совместный труд — настолько объективный, что, по словам польского руководителя проекта, бывшего министра иностранных дел Адама Даниэля Ротфельда, невозможно было, не зная фамилии автора той или иной главы, определить, представлял автор Польшу или Россию.

Тем не менее катастрофа польского президентского самолета под Смоленском, последующий приход к власти в Польше консерваторов и ужесточение внутренней и внешней политики России способствовали тому, что первоначальный задел в отношениях двух стран не только не получил дальнейшего развития, а развернулся вспять. Примирение не состоялось, Варшава и Москва вернулись к привычному обмену историческими обвинениями.

Для того чтобы вечно буксующий исторический диалог двух стран принес хоть какую-то пользу, и Польше, и России нужны не только добрая воля и политическая решимость, но и реалистичное понимание того, какое огромное значение для них имеют события их общей истории. Понимание, что их взаимные исторические претензии — это не временное заблуждение, не чей-то каприз и уж точно не личные взгляды отдельного руководителя. Это важная, часто основополагающая часть их национальной идентичности. И ее невозможно пересмотреть или отменить с помощью трогательного открытого письма, красивой церемонии или даже в условиях смены власти.

ПЕРЕМЕНЫ И ИХ ОТСУТСТВИЕ

То, насколько принципиальным для национальной идентичности может быть определенное толкование исторических событий, особенно хорошо видно на примере Польши. Там в последние 30 лет порядки были куда более демократическими, чем в России, а СМИ — намного свободнее и разнообразнее, что не позволяет слепо списать все неприятные стороны массового восприятия истории на существующий режим и его пропаганду и тешить себя надеждой, что все образуется само собой вместе со сменой власти.

За эти три десятилетия власть в Польше менялась многократно и на свободных выборах, народное благосостояние выросло в разы, а сама страна стала полноправным и активным участником престижных западных объединений вроде Евросоюза и НАТО. И тем не менее все эти благотворные перемены мало повлияли на то, как поляки воспринимают сами себя и свою историю. Относительно недавнее — 2019 года — социологическое исследование показывает, что 74% поляков считают, что польская нация страдала в истории больше других (Polacy wycierpieli najwięcej…).

Это убеждение — давний общенациональный консенсус с минимальными вариациями по поколениям и социальным группам. Среди людей с высшим образованием таких будет лишь немногим меньше — 63%. А среди молодежи 18–29 лет — 67%. То есть даже те поляки, кто сам не застал ничего кроме довольно благополучной жизни в Евросоюзе, все равно уверены, что на фоне всего остального мира их нация выделяется особыми страданиями.

Образ нации-жертвы, которая благородно проигрывает превосходящим силам противника, но в этом поражении одерживает моральную победу, по-прежнему востребован в Польше так же, как он был востребован 30, 80 и 150 лет назад. Конкретные обстоятельства этого поражения, конечно, сильно изменились. Место оккупации 1939 года и Варшавского восстания 1944-го теперь заняли выборы президента Евросовета, где Польша одна голосовала (Tusk wygrał 27…) против остальных 27 стран ЕС (по иронии судьбы против кандидата-поляка, уже упоминавшегося либерального экс-премьера Туска). Но сама эмоция никуда не делась.

Польское общество по-прежнему считает прагматизм и компромиссы чем-то низким и недостойным, а безнадежные гусарские атаки на танки — образцом благородства и национального служения. Мало того, танковые колонны в Центральной Европе сейчас в большом дефиците, поэтому исходящую от них опасность приходится приписывать самым разным международным инициативам: от ратификации Лиссабонского договора о реформе Евросоюза до строительства газопровода «Северный поток-2». Ведь потребность проиграть и через страдание возвыситься над превосходящим противником никуда не девается даже тогда, когда нападать никто особенно и не стремится.

Польский опыт как нельзя ярче доказывает, насколько пусты надежды, что рост благосостояния, демократизация общественной жизни и смена поколений способны всерьез изменить то, как нация воспринимает саму себя и свою историю. Ждать, что время само по себе что-то там вылечит и успокоит, бессмысленно. Некоторые процессы могут даже пойти вспять.

Взять, например, многолетнюю динамику в опросах о польско-еврейских отношениях. В 1992 году 46% поляков считали, что во Второй мировой войне евреи пострадали больше, чем поляки. В 2021 году так же на этот вопрос ответили всего 26%. Зато с 6 до 20% выросла доля тех, кто считает, что больше всех пострадали поляки, и с 32 до 51% — тех, кто отвечает, что обе группы пострадали одинаково.

Таким образом, провалились надежды тех, кто верил, что крушение коммунистической власти в Польше приведет к более реалистичному восприятию истории, потому что коммунисты избегали темы Холокоста и замалчивали национальность погибших. Наоборот, демократизация открыла больший простор для традиционной польской идентичности, которая считает саму себя главной страдалицей в мире — народом-Христом, принимающим чужие грехи. Ведь страдание не только облагораживает, но и позволяет отмахнуться от обвинений в собственных преступлениях: жертва не может быть одновременно еще и палачом.

Аналогичным образом ни демократия, ни высокий уровень жизни, ни большая открытость миру не отменяют болезненной концентрации на собственной истории, а также агрессивной реакции на любые попытки усомниться в ее канонической версии. Когда в 2018 году польские власти приняли закон (Poland's Senate passes...), предусматривающий до трех лет тюрьмы за публичные заявления о причастности поляков к Холокосту, это не было случайным капризом маргинальных политиков, безнадежно оторванных от реальности современной, модернизированной и европейской Польши.

Совсем нет: по опросам (Niemal 40 proc...), 39% поляков согласны с тем, что нужно в судебном порядке преследовать историков, которые дискредитируют Польшу — например, пишут об участии поляков в Холокосте. И опрос этот проводился не в тяжелые послевоенные годы, в разрухе, со свежими воспоминаниями о пережитой трагедии, а в благополучном 2021 году, после двух десятилетий беспрецедентного экономического роста, когда Польша как никогда близко подошла к тому, чтобы стать полноценной частью развитого западного мира. Базовые установки национальной идентичности оказываются штукой слишком цепкой и живучей, чтобы их можно было стереть даже успешной модернизацией и либерализацией.

ДИАЛОГ О СВЯТОМ

Для русской идентичности Вторая мировая война — событие не менее важное, чем для польской. Достаточно сказать, что Победа в Великой Отечественной из года в год набирает (Национальная идентичность...) в опросах под 90% как историческое событие, которым больше

всего гордятся в России. А 69% россиян считают (Почти 70% россиян...) День Победы главным праздником. Но интерпретируется война совсем иначе.

Там, где у поляков — почти сладострастное упоение поражением как доказательством их порядочности и благородства, в России царит культ Победы, которая хоть и досталась ценой огромных страданий, но зато стала самым мощным доказательством способности русских справиться с любыми трудностями и победить вопреки всему.

Уже здесь возникают расхождения, которые сложно преодолеть в ходе даже самого благожелательного исторического диалога. Но еще больше, чем различия, русских и поляков разделяют общие черты в их восприятии Второй мировой войны и ее последствий.

Общность русского и польского подходов становится яснее, если попробовать сформулировать их интерпретацию войны в одной фразе. У поляков это будет «Мы больше всех страдали, поэтому нам все должны». У русских — «Мы всех спасли, поэтому нам все должны». То есть мотивы получаются разные, но выводы из них делаются похожие.

Обе нации уверены в собственной исключительности, а также в том, что весь остальной мир им бесконечно обязан. Сходной оказывается и болезненная любовь накручивать себя по поводу истории 80-летней давности, к которой почти никто из ныне живущих не имеет прямого отношения. Но главное, что в обоих случаях все это складывается в твердое убеждение, что любые обвинения или упреки в адрес русских/польских участников тех событий — это недопустимое святотатство, заслуживающее самого сурового отмщения.

Лютая непропорциональная ненависть поляков к словосочетанию «польские концлагеря», с одной стороны, и «оскорбление ветеранов», которое российские власти готовы видеть под каждым кустом, с другой, — это явления одного порядка. В их основе — общенациональная вера, что наши деды своими подвигами и страданиями сполна искупили любые свои грехи тех лет, поэтому никто другой не смеет о них даже заикаться.

В обеих странах эта вера по своей искренности, глубине и распространенности легко обходит любые догматы религиозных конфессий. Сегодняшние поляки могут считаться самым католическим народом Европы, а русские — придумывать себе православные скрепы, но и для тех, и для других гораздо более универсальная святыня заключается именно в этом — в почти религиозном культе предков, участвовавших во Второй мировой войне.

Этот культ только крепнет по мере ухода реальных участников тех событий, и попытки совместить его с извинениями, признанием справедливости обвинений и тем более покаянием — утопия, обреченная на

провал. Абсурдно ожидать, что комиссия авторитетных историков или договоренность политиков сможет заставить две нации забыть свою самую сакральную ценность и убедит русских каяться перед поляками, а поляков — простить и благодарить русских.

ИСТОРИЯ И ПРАВИТЕЛИ

Надеяться, что смена руководства или даже политического режима поможет как-то преодолеть эту пропасть, тоже бессмысленно. Конечно, нынешний российский режим часто не считается с минимальными требованиями вкуса и здравого смысла в своем стремлении превратить память о войне в гражданскую религию — тут можно вспомнить эклектичный перенос (Kaczyński zapowiada zmiany...) частички Вечного огня в храм Минобороны или трофейное оружие, из которого отлили ступени того же храма.

Обвинения в неуважении к ветеранам, даже лишенные минимальной убедительности, используются и в борьбе с оппозицией. А бесконечный поток законов, регулирующих, какой должна быть история Второй мировой, направлен прежде всего на легитимацию нынешних властей, а не на борьбу за точность исторической науки.

Не очень понятно, однако, почему будущие правители России, пускай и более демократичные, вдруг откажутся от использования столь благодатной темы. Опыт Польши, где власть меняется куда чаще, показывает, что демократические выборы на этот вопрос не влияют.

Несомненно, удобнее было бы списать одержимость российских властей памятью о войне на личные пристрастия конкретного правителя или на недостаток легитимности режима, но вот цитата, как будто взятая из выступлений бывшего министра культуры Владимира Мединского: «Мы должны наконец покончить с педагогикой стыда и однозначно выбрать педагогику гордости, как это делает каждая нормальная страна в Европе и мире». Только это не Мединский, а нынешний министр образования Польши Пшемыслав Чарнек, чья партия победила на демократических выборах в европейской Польше — причем победила с таким запасом, что смогла в одиночку сформировать правительство.

Когда Владимир Путин в своих публичных выступлениях все чаще и чаще переходит на тему Великой Отечественной и ее освещения в школьных учебниках, для многих это выглядит ярким признаком деградации российского режима, символом его оторванности от реальных нужд и забот современной России.

Но можно сравнить эти выступления с тем, о чем говорит сейчас Ярослав Качиньский — неформальный лидер Польши и глава партии, которая добилась лучших результатов в истории польской демократии.

А говорит (Kaczyński zapowiada zmiany…) он о том, что количество уроков истории в школах надо увеличить до 6–7 в неделю, потому что иначе не получится сформировать достойного и по-настоящему патриотичного польского гражданина.

Кто-то, наверное, пойдет еще дальше и скажет, что менять надо обоих лидеров. Что вся беда в том, что и Россией, и Польшей сейчас правят престарелые безответственные популисты, которые готовы культивировать худшие черты своих народов, лишь бы удержаться у власти. А после них все можно будет сравнительно легко наладить — была бы политическая воля. Но неутешительные результаты польско-немецких попыток примирения, продолжающихся уже больше полувека, показывают, что вопросы отношения к истории связаны с личностями правителей намного слабее, чем многим представляется.

НЕМЕЦКАЯ ПОПЫТКА

Долгий и трудный диалог поляков с другим соседом и частым в истории недругом — немцами — наглядно показывает, на что можно и на что бессмысленно надеяться в отношениях Польши и России. Польско-немецкий диалог об общей истории начался гораздо раньше, еще в годы холодной войны, и с тех пор ведется уже больше полувека. Ведется последовательно и тщательно, с привлечением огромных ресурсов и в чрезвычайно благоприятных обстоятельствах.

В прошлом году исполнилось 55 лет открытому письму польских епископов немецким, призывавшему к взаимному прощению, и 50 лет знаменитому жесту канцлера ФРГ Вилли Брандта, который упал на колени перед памятником в Варшавском гетто, каясь за преступления нацистов. С тех пор немецкие руководители и общественные деятели всевозможных уровней многократно приносили полякам извинения, признавали свою полную и несомненную ответственность, подтверждали отказ от любых встречных претензий, выплачивали финансовые компенсации и так далее.

Было создано несметное число совместных комиссий, проектов, НКО, конференций об общей истории. С конца 1980-х годов это проходило в благоприятных условиях объединения Германии и Европы, когда немцы и поляки были готовы на огромные уступки, чтобы преодолеть расколы холодной войны и сделать Восточную Европу частью Запада в политическом, экономическом и ценностном отношении.

Тем не менее полвека этой кропотливой и разносторонней работы, куда было вовлечено огромное количество благонамеренных людей с обеих сторон, никак не мешают нынешнему польскому правительству требовать (Raport o stratach wojennych…) от Германии многомилли-

ардных компенсаций за потери, понесенные во Второй мировой войне, а польскому премьеру Матеушу Моравецкому на церемонии 74-летия освобождения Освенцима (Po słowach Morawieckiego…) говорить о том, как опасно усилились попытки размыть ответственность Германии за преступления нацистов.

Такие претензии могут генерироваться бесконечно, независимо от того, с какой скоростью и тщательностью их удовлетворяет другая сторона. Казалось бы, сколько их уже было — жестов немецкого покаяния за последние 50 лет. Но сегодня Польша все равно требует от Германии еще один: поставить в Берлине памятник (Bez pomnika polskich ofia….) именно польским жертвам нацистов. Нужно, чтобы он был отдельный, а не совмещенный с другими категориями жертв.

И тут не помогает даже то, что памятник польским солдатам Второй мировой в Берлине уже есть. Нет, он не годится (Dlaczego w Berlinie…), потому что поставлен еще в советские времена, изображает не тот польский герб — и вообще немецкая молодежь катается вокруг него на скейтах, что не дает создать соответствующую траурную атмосферу.

Понятно, что, когда памятник поставят — даже с правильным гербом и подходящей атмосферой, — за ним тут же последует требование еще чего-то. Потому что закрывать этот вопрос нельзя: без него рушится одна из основ польской национальной идентичности, рушится цельность того, как поляки воспринимают себя и свое место в Европе и мире. Поляки как нация, которой немцы больше ничего не должны, — это уже не поляки.

В отношениях Польши и России и близко нет тех благоприятных условий, которые сопутствовали польско-немецкому историческому диалогу в последние десятилетия. Ни Польша, ни Россия не проявляют особого интереса к налаживанию экономического сотрудничества и не видят смысла всерьез вкладываться в улучшение отношений. Две страны оказались по разные стороны в новом геополитическом противостоянии, а масштабы человеческих контактов двух народов, несмотря на общую границу, весьма скромные.

А главное, в России нет и намека на готовность признать вину за события прошлого и принести за них извинения. Потому что это неизбежно скомпрометирует важнейшую нациеобразующую концепцию Великой Победы и спасения мира от нацизма, которая для русских не менее важна, чем для поляков вера в исключительность их страданий.

Немецкая готовность к покаянию за прошлое — уникальное явление, которое вряд ли было бы возможно без разгромного поражения в войне, приговора Нюрнбергского трибунала и долгой иностранной оккупации. Рассчитывать на успешное внедрение этого опыта в других странах наивно. Можно было бы думать, что крах советского коммунизма, распад

СССР и поражение в холодной войне могли бы сподвигнуть современную Россию к похожей рефлексии, но на практике последствия получились обратными.

Унижение от проигранного противостояния с Западом заставило русских еще больше дорожить Великой Победой как доказательством великодержавного статуса России, который не может быть утрачен из-за временных трудностей. Сложно представить, какие чрезвычайные обстоятельства могли бы заставить Россию поставить под вопрос эту ключевую для нации концепцию ради туманных перспектив диалога с таким второстепенным внешним партнером, как Польша.

УЗКО, НО ПОЗИТИВНО

Очевидно, что польский и российский подходы к общей истории — особенно Второй мировой войны — несовместимы. Попытки добиться общенационального примирения, пускай самые искренние, ничего не дадут: наоборот, неизбежные провалы таких начинаний только добавят взаимной неприязни с обеих сторон.

Но это не значит, что две страны обречены на вечное взаимное отчуждение. Опыт польско-немецкого исторического диалога, а также отношений России с другими странами Восточной Европы показывает, что определенные позитивные результаты возможны. Конечно, они не будут такими масштабными и радужными, как хотелось бы некоторым участникам процесса, но они могут быть вполне осязаемыми, и это само по себе станет достижением.

Прежде всего, история не должна становиться единственной темой в отношениях, как это происходит сейчас между Россией и Польшей. Со времен соцлагеря две страны унаследовали внушительную инфраструктуру взаимных связей, где до сих пор занято немало людей. Этим людям нужно чем-то заниматься, многим — просто по долгу службы.

Отсутствие других тем в отношениях постоянно выталкивает их на болезненные вопросы сохранности захоронений, юбилейных выставок, архивов и прочие генерирующие раздражение истории, которые могли бы быть менее заметными, если бы акцент можно было сделать на чем-то другом.

При должном внимании нетрудно заметить, что российская интерпретация Второй мировой несовместима не только с польской, но и с той, что продвигает правительство (Комментарий официального представителя...) премьер-министра Виктора Орбана в Венгрии или даже правительство (Serbia's Ruling Party...) президента Александра Вучича в Сербии. Причем по некоторым аспектам расхождения с венграми и сербами будут еще большими, чем с поляками.

Однако эти расхождения до сих пор не становились центральной темой в отношениях России с этими странами. Дело в том, что помимо сложной общей истории у России и с Венгрией, и с Сербией есть сегодня общие проекты, выгоды от реализации которых перевешивают выгоды от ковыряния в исторических болячках.

Еще одно решение можно позаимствовать из польско-немецкого опыта. Это отказ от амбициозного, но безнадежного общенационального диалога в пользу более узкого и адресного. Да, народам Польши и Германии, несмотря на огромные усилия и инвестиции, так и не удалось прийти к полному примирению. Но с обеих сторон — часто на ключевых позициях — появилось огромное количество людей, которые отказались от взаимных фобий или как минимум не ориентируются на эти фобии при принятии решений.

Таких людей никогда не будет достаточно, чтобы, скажем, сделать пронемецкие лозунги способом собрать массовую поддержку в польской политике. Но этого и не требуется. Гораздо важнее, что благодаря этим людям две страны смогли отодвинуть в сторону больные вопросы истории и выстроить тесное экономическое сотрудничество.

Наконец, обе страны могли бы не только заметно оздоровить атмосферу в отношениях, но и в целом облегчить себе жизнь, если бы почаще игнорировали то, какие интерпретации общей истории они используют для внутреннего употребления. Заставить польское общество принять русское понимание Второй мировой, а российское общество — польское невозможно.

Эту невозможность надо принять как данность и больше не пытаться внести в нее свои правки, которые все равно не будут приняты. Намного продуктивнее будет перестать упиваться просмотром телевизионных ток-шоу другой стороны, не отслеживать заявления второстепенных политиков и не раздувать перенос любой бетонной стелы до причины для разрыва отношений.

Польша и Россия демонстрируют удивительную взаимопонимаемость культур, в обеих странах еще сохраняется интерес друг к другу, а менталитеты двух народов — одни из самых близких в Европе. Взять хотя бы ту искреннюю страсть, с которой и поляки, и русские продолжают копаться в событиях 80-летней давности.

Несмотря на все проблемы, между странами сохранилась немалая инфраструктура двусторонних связей, которую можно направить не на поиск новых поводов для взаимных претензий, а на что-то позитивное. От этого позитива не надо ждать того, что два народа побегут заключать друг друга в объятия: наоборот, крах завышенных ожиданий уже не раз усиливал отчуждение между Россией и Польшей.

Разумнее отказаться от наивной веры в чудодейственную мощь торжественных церемоний, открытых писем и преклоненных колен, которые многократно доказывали свою неэффективность, и сосредоточить ограниченные ресурсы на гораздо более узком и адресном диалоге. Это не сделает менее популярными антирусские лозунги в Польше и антипольские — в России. Но зато может помочь вывести из тени истории хотя бы те сферы, где сотрудничество двух стран объективно взаимовыгодно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Bez pomnika polskich ofiar w Berlinie? Niemiecki historyk łączy temat z kwestią reparacji. Available at: https://www.tvp.info/54258812/nie-bedzie-pomnika-polskich-ofiar-w-berlinie-niemiecki-historyk-peter-oliver-loew-mowi-o-reparacjach-i-dwoch-spoleczenstwach-sprawcow-i-ofiar (accessed 26.05.2021).

Dlaczego w Berlinie nie ma pomnika polskich ofiar wojny? I czemu Polacy kochają książki Zychowicza? [WYWIAD]. Available at: https://oko.press/polacy-i-niemcy-polityka-historyczna (accessed 26.05.2021).

Germany Exports By Country. Trading economics. Available at: https://tradingeconomics.com/germany/exports-by-country (accessed 26.05.2021).

Kaczyński zapowiada zmiany w nauczaniu historii. „Polska musi być Polską". Available at: https://www.wprost.pl/polityka/10447573/kaczynski-zapowiada-zmiany-w-nauczaniu-historii-polska-musi-byc-polska.html (accessed 26.05.2021).

Niemal 40 proc. Polaków za karaniem historyków ujawniających polski współudział w Zagładzie [SONDAŻ]. Oko.press. Available at: https://oko.press/niemal-40-proc-polakow-za-karaniem-historykow/ (accessed 26.05.2021).

Po słowach Morawieckiego o odpowiedzialności za Zagładę. Historyczny populizm premiera. Available at: https://wyborcza.pl/7,75968,24408777,po-slowach-morawieckiego-o-odpowiedzialnosci-za-zaglade-historyczny.html?disableRedirects=true (accessed 26.05.2021).

Polacy wycierpieli najwięcej ze wszystkich narodów świata. Tak uważa 74 proc. badanych (Polaków). Oko.press. Available at: https://oko.press/polacy-wycierpieli-najwiecej-ze-wszystkich-narodow-swiata-tak-uwaza-74-proc-badanych-polakow/ (accessed 26.05.2021).

Poland's Senate passes Holocaust complicity bill despite concerns from U.S., Israel. The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2018/02/01/polands-senate-passes-holocaust-complicity-bill-despite-concerns-from-u-s-israel/ (accessed 26.05.2021).

Raport o stratach wojennych jest gotowy, wniosek do TK o otwarcie ścieżki sądowej dla odszkodowań złożony. Potrzeba decyzji. Kiedy będzie właściwy moment na reparacje? Available at: https://wpolityce.pl/polityka/557659-raport-gotowy-wniosek-do-tk-zlozony-kiedy-reparacje? (accessed 26.05.2021).

Serbia's Ruling Party is Rewriting World War II History. Available at: https://balkaninsight.com/2021/05/17/serbias-ruling-party-is-rewriting-world-war-ii-history/?fbclid (accessed 26.05.2021).

Tusk wygrał 27:1. Jak wyglądał ten dzień? Wyborcza. 09.03.2021. Available at: https://wyborcza.pl/7,75399,21478942,tusk-wygral-27-1-jak-wygladal-ten-dzien.html (accessed 26.05.2021).

Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой в связи с высказываниями Премьер-министра Венгрии В.Орбана. Available at: https://archive.mid.ru/

en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4411091?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (accessed 26.05.2021).

Национальная идентичность и гордость. 17.01.2019. Available at: https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/ (accessed 26.05.2021).

Почти 70% россиян назвали День Победы самым важным праздником в стране. TASS. 07.05.2021. Available at: https://tass.ru/obschestvo/11323635 (accessed 26.05.2021).

Статья Владимира Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое». Президент России. 22.06.2021. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/65899 (accessed 26.05.2021).

CAN RUSSIA AND POLAND EVER OVERCOME THEIR HISTORICAL DIFFERENCES?

Maxim Samorukov

Carnegie Moscow Center, Moscow, Russia,
e-mail: msamorukov@carnegie.ru

Abstract. In this article the author analyzes the reasons of profound skepticism towards Russia in the Polish foreign policy and suggests his vision on how to bridge the divide between two countries. The aversion between Poland in Russia takes root in the World War II events, as well as it did for aversion between Poland and Germany and, partially, Germany and France. However, the author implies that it is useless to focus on reconciliation between these countries as an example — they overcome historical divisions due to the profound economic and political processes that united them.

Any symbolic gestures of Polish or Russian authorities either have no effect at all or their effect is easily reversed, as there is no substantial political and economic foundation for the normalization of relations. Moreover, there are significant obstacles in the national consciousness — Poles perceive themselves and their country as martyrs that always face much stronger enemies (including USSR and Russia) on their own. At the same time, Russian consciousness perceives the victory in the Great Patriotic War as one of the most prominent achievements in Russian history, almost a sacred one, the one that cannot be argued upon. Thus, each country is assured that it has a moral high ground, refusing to discuss problematic issues of history shared by them. Concluding his analysis of Russian-Polish relations, the author notes that besides the lack of unifying political and economic processes, there is no will to invest time and political capital in reconciliation in any country's political elites. However, the author believes that it is possible to take certain measures even in such circumstances, although these should be not pompous symbolical gestures, but the narrow-targeted dialogue aimed at constructive interaction in the chosen few spheres where it can be possibly reached.

Key words: Poland, Russia, Soviet Union, Germany, European Union, World War II, the Molotov-Ribbentrop pact, the Warsaw Uprising of 1944, historical culture, national reconciliation, the cult of Victory